

INSPIRIA

Самюэль Беккет и Эжен Ионеско
полюбили бы эту книгу

A photograph of a man in a light-colored suit, standing with his hands in his pockets. A thick black hand-drawn outline is superimposed over the image, tracing the silhouette of the man and his suit. The word "платье" is written in large, white, sans-serif Cyrillic letters across the middle of the image.

платье

18+

ЖЕРОМ ДЕ ВЕРДЬЕР

INSPIRIA

Жером де Вердьер

Платье

Серия «Loft. И смех и грех»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69548986

Платье: Эксмо; М.; 2023

ISBN 978-5-04-191257-4

Аннотация

«Платье» – книга о том, как мир сходит с ума, но любовь и юмор все еще способны его спасти.

Однажды вечером, перед тем как накрыть на стол, Изабель дарит мужу платье. Она хочет, чтобы Жан-Пьер надел его к ужину. Он не может понять – это плохая шутка, жена заболела или мир так сильно изменился? Но скоро придут гости и счет идет на минуты. Жан-Пьера ждет череда фантазмагорических поворотов: платье в цветочек в коробке, испуганные гости, попытка удушения соседа (этим же платьем). Но об этом позже. Жером де Вердьер ставит под сомнение адекватность происходящего вокруг и исследует отношения пар, высмеивая как блаженных прогрессистов, так и угрюмых консерваторов.

В математике и логике есть метод *reductio ad absurdum*, или «доведение до абсурда» – это прием, которым доказывается несостоятельность какого-нибудь мнения таким образом, что

или в нем самом, или же в вытекающих из него следствиях обнаруживается противоречие.

Жером де Вердьер в своей книге «Платье» применил этот метод к современности, и получился роман, наполненный острыми диалогами, французским юмором, иронией и гротеском – настоящий триумф абсурда.

Можно смело сказать, что Жером продолжает традицию Эжена Ионеско и Сэмюэля Беккета.

Содержание

18 часов 15 минут	7
18 часов 16 минут	9
18 часов 17 минут	12
18 часов 20 минут	18
18 часов 22 минуты	21
18 часов 26 минут	27
18 часов 28 минут	32
18 часов 32 минуты	38
18 часов 45 минут	50
19 часов 05 минут	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Жером де Вердьер

Платье

*Посвящается Элиоту, Жюстине и Камилле,
творящим мир завтрашний, и Амандине, творящей
мир сегодняшний.*

*Прогресс человечества измеряется уступками,
на которые безумство мудрецов идет ради
мудрости безумцев.*

Жан Жоре

Jérôme de Verdière

La Robe

© Le Cherche Midi, 2022

Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associates

© Липка В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Это свалилось на него, хотя он даже ничего не заметил. А могло на вас. Или на меня. Но свалилось на него. Такого же, как все остальные.

На циферблате – восемнадцать часов четырнадцать минут (и пятьдесят три секунды – если быть совсем точным). Через семь секунд, в восемнадцать пятнадцать, то есть когда вы дочитаете до конца эту фразу, жизнь человека заложит крутой вираж.

18 часов 15 минут

– Я умираю от усталости!

На Жан-Пьере выдавший виды плащ. На лице тоже невероятная усталость. Швырнув на комод у входа ключи от машины, он рухнул в гостиной на диван. Не нашел в себе сил даже сбросить «хламиду». Именно так называла его плащ Изабель, которая сама ему его и купила лет пятнадцать назад. В качестве подарка на день рождения. Роскошный и дорогой «Берберри», придававший мужу, как ей казалось, таинственный вид. «Ну просто супер! У тебя такой вид, будто ты только что сошел со страниц романа Модиано!»¹

Но с тех пор прошло много лет. Теперь она без конца жалуется на эту антикварную одежду. «Он свое отслужил, выбрось его или отдай какому-нибудь клошару!» Так-то оно так, только вот Жан-Пьеру его хламида нравится по сей день. Да, немного вытерся воротник и обтрепались рукава, но это ведь почти незаметно. Да и потом, он к ней привык. С первых сентябрьских дождей и до робких в своей ласке поползновений апреля она для него превратилась во вторую шкуру. Сорвать с него этот плащ было сродни содрать живьем кожу.

---

¹ Жан Патрик Модиано (род. в 1945 г.) – французский писатель и сценарист, лауреат Нобелевской премии по литературе (2014 г.). Практически все его произведения автобиографичны либо связаны с темой Второй мировой войны.

Положив на подлокотники дивана широко раскинутые в стороны руки, вытянув вперед ноги, в аккурат вровень с грудью, и чуть запрокинув голову, Жан-Пьер похож на Христа – Христа в бежевом плаще, пригвожденного к дивану.

На журнальном столике лежит подарочный пакет, не давая закинуть туда ноги. Это еще что такое? Задать вопрос вслух у него нет сил – как и подвинуть пакет чуть в сторону носком ботинка, чтобы освободить место. Тогда он закрывает глаза...

18 часов 16 минут

– Я умираю от усталости!

Есть от чего. Жан-Пьер больше пяти часов парился в лишенной окон аудитории на подземном этаже одной из башен Ла-Дефанс². Ему полдня вколачивали знания на тему «Дизайн-мышление: как развить творческий потенциал».

На сцене паренек лет тридцати без пиджака и с трехдневной щетиной на физиономии фланирует туда-сюда с микрофоном в руке на манер комиков из «Комеди Клуб Жамель». В роли публики – два десятка менеджеров высшего звена агентства «Ком'Бустер». Тон этот тип задал с самого начала.

– Сегодня я требую, чтобы вы взбунтовались и восстали, нарушив любые правила... Все согласны?

Звучат несколько робких ответов.

– Я не расслышал... Вы согласны или нет?

И будущие эксперты по креативному развитию понимают, что им придется подчиниться тому, кто несколько секунд назад требовал от них совершенно обратного, то есть неподчинения. Подобное противоречие его даже не удивляет. Но по примеру всех остальных он издает звучное «да», вливающееся в общий хор восклицаний коллег, в той или иной степе-

---

² *Ла-Дефанс* – современный деловой квартал в пригороде французской столицы, известный как «парижский Манхэттен».

ни восторженных. На таких вот семинарах надо отдаться на волю волн, слушать и одобрять каждый раз, когда это от тебя требуется. И дожидаться конца, надеясь, что все закончится быстро... А потом возвратиться домой.

Заложив фундамент, аниматор выдает себя за историка:

– *Дизайн-мышление* представляет собой революционную методику менеджмента, родившуюся в Калифорнии в 1980-х годах...

«Что-то долговато она добиралась к нам через Атлантику, целых сорок лет», – думает Жан-Пьер, не осмеливаясь высказать свою мысль вслух. У него был бы глупый вид. Все, кому не лень, знают, что Франция, побыв какое-то время в авангарде, давным-давно взяла в привычку не торопиться со всякими революциями. Так что лучше помолчать и послушать, в чем же, собственно, состоит это прославленное «дизайн-мышление». А состоит оно, если в двух словах, в том, чтобы труженики одного и того же предприятия писали на заданную тему все, что в голову взбредет. А потом читали в «кругу доброжелательных слушателей» (этот момент методист подчеркнул особо), чтобы вычленить основополагающую идею, облечь ее в «концепцию» и предложить клиенту.

– Подумаешь, – ворчит Жан-Пьер, склонившись к соседу, – по сути, все это его «дизайн-мышление» – не что иное, как сборище трех балбесов, вооружившихся блокнотами и карандашами; лично я в упор не вижу здесь ничего революционного.

В то же мгновение методист переключается на другой регистр, завязывает со своим стендапом и переходит к мессе. На смену артисту приходит гуру – даже не переобувшись.

– Теперь я предлагаю вам ответить на ряд моих утверждений. Если они, на ваш взгляд, верны, поднимайте над головой правую руку. Если же нет, прикладывайте левую к животу. Готовы? Тогда поехали!

И правда поехали – несколько мгновений спустя весь топ-менеджмент «Ком'Бустера» начал отплясывать макарену топ-уровня под ритм монотонных псалмов нашего гуру.

В этот самый момент Жан-Пьер чувствует, как его одолевает невероятная усталость. Не без толики отвращения к самому себе.

18 часов 17 минут

– Солнышко? Ты меня слышишь? Я умираю от усталости!

Просто умираю!

– Хорошо, мой дорогой.

– Я умираю от усталости, а ты говоришь, что это «хорошо»?

– Что-что?

Какого черта Изабель может делать в ванной в такой час? Это не в ее духе. Она ведь женщина с идеальной организацией. И в санузел навещается только утром после пробуждения да вечером, в аккурат перед тем, как лечь спать.

Изабель – высокая брюнетка лет пятидесяти, прозрачная кожа которой никогда не нуждалась в чрезмерном макияже. Лишь в паре легких мазков перед схваткой с очередным днем, чтобы стереть их тотчас по его окончании. Именно эта природная красота двадцать пять лет назад понравилась мужчине, которому предстояло стать ее мужем. И нравится до сих пор.

Когда Жан-Пьер делал первые шаги в рекламном бизнесе, Изабель училась на медицинском факультете. А когда он после первой встречи вышел с ней на связь и предложил чего-нибудь выпить, она согласилась – скорее из любопытства, нежели из других побуждений. Что вообще могло от нее понадобиться этому высокому типу в очках, не лишен-

ному шарма, но даже близко не обладающему пылкой чувственностью? Хотя о мыслях в его голове у нее имелись лишь самые смутные представления, в первую очередь ее подмывало желание узнать, как он поведет себя дальше. А повел он себя как самый настоящий недотепа.

– Ты мне в глаз дала... С тех пор он у меня болит... Слушай, ты же ведь у нас из этих... из медиков, может, знаешь хорошего офтальмолога, а?

В качестве романтической зацепки уловка была так себе, но все же развеселила Изабель достаточно для того, чтобы она согласилась сначала на второе, а потом и на третье свидание. А началась история их любви с поцелуя.

Жан-Пьер был неловок, очарователен и смешон. К тому же казался «парнем что надо». Так Катрин, старшая сестра Изабель, сказала, якобы случайно с ним повстречавшись (хотя на самом деле все было подстроено заранее).

«Твой ухажер – парень что надо».

Изабель была хорошенькой, сообразительной, уверенной в себе. Ее прекрасные черные глаза искрились умом. Причем умом жизнерадостным. Этими самыми глазками она улыбалась. От такого коктейля Жан-Пьер и потерял голову. Коктейль этот манит его и сейчас.

– Я говорю, что вымотался дальше некуда, а ты говоришь, что это «хорошо»?

– В холодильнике!

– В холодильнике? Что в холодильнике?!

– Что-что?

– Я говорю, что вымотался дальше некуда, а ты мне в ответ «в холодильнике»!

– Я тебя не слышу...

Спасибо, но это он уже и без нее понял.

Однако обычно это она обвиняет его, что он пропускает ее слова мимо ушей. В последнее время их жизнь сводится к дружелюбному разговору глухих, зачастую посвященному вопросу о том, кто кого слушает, а кто нет. По ее словам, с течением лет Жан-Пьер все больше теряет память, словно его преждевременно поразила болезнь Альцгеймера.

«Как ваша жена?» – спросил он как-то консьержа их дома.

«Все еще мертва», – грустно ответил тот.

Хотя ему уже не раз говорили, что страж их дома – вдовец. Но мужу Изабель все нипочем, он больше никого не слушает. По ее глубокому убеждению, мужчины не слушают жен, страшась осознать собственную неправоту.

Так что если в двух словах, то эта парочка в той или иной степени ходит по кругу, избегая столкновений. А нередко даже переживая минуты блаженства. Но все равно по кругу. «У нас же все в порядке? Как по маслу, да?» – то и дело спрашивает она. А его каждый раз так и подмывает ответить, что, может, и по маслу, но больше по кругу, однако, утомленный войной, он, дабы не нагнетать ситуацию, решает не говорить

ни слова и лишь молча с ней соглашается.

– Да говорю же тебе, я не слышу!

– Ладно, проехали! В любом случае спасибо, теперь я вижу, что моя судьба тебе небезразлична!

– Как обычно! В верхнем ящичке посмотри!

Жан-Пьер возносит к небу глаза. Только вот почему? Из-за несуразностей этого разговора с женой, который и разговором не назовешь? Из-за того, что весь этот кошмарный день его пичкали какими-то мутными знаниями? Или, может, просто в силу пятидесятипятiletнего возраста, который начинает давить на него тяжким грузом? Как же он устал от чувства одиночества. Ощущает себя чуть ли не брошенным, хотя жена от него всего в нескольких метрах – как ни крути, а их разделяют всего две тонкие перегородки парижской квартиры. Но горечи факта это никоим образом не уменьшает. Утонув в диванных подушках, он ведет с самим собой безмолвный диалог, вываливая свои горести в пустоту гостиной, обставленной добротной, но без претензий, мебелью. Все как обычно.

Каждые десять лет Изабель с постоянством метронома радикально меняет обстановку. В последний раз ей в голову пришла блажь оформить все в скандинавском стиле. Особой неприязни у Жан-Пьера это не вызвало, но и в восторг тоже не привело. Да и что вообще по нынешним временам может внушить ему энтузиазм? Очень и очень немногое... Поэтому

при виде всей этой датской, шведской и финской мебели он демонстрирует швейцарский нейтралитет. В хороший денек декор кажется ему сдержанным и утонченным. А в паршивый его не отпускает странное ощущение, будто его поселили на роскошной альпийской базе отдыха. В целом же ему на все это убранство глубоко наплевать.

Его безразличие, с каждым днем набирающее обороты, все больше беспокоит жену, хотя Жан-Пьер об этом даже не подозревает. Своими тревогами Изабель поделилась с подругой Соланж – в аккурат затеяв переоформление гостиной: «Представляешь? У меня в самом разгаре ремонт, а тут он со своим кризисом пятидесятилетнего возраста!»

Со стороны кажется, что связь с миром Жан-Пьер поддерживает только через новостные каналы. Догадывается, что замышляет американское правительство в Сирии, но понятия не имеет о том, что происходит в его собственной гостиной. И прямо на глазах у Изабель ее муж отчаливает от берегов интима и берет курс на пучину абстракции, расплывающуюся в великой бесконечности.

– Может, отменим сегодня ужин с Полем и Соланж?

– Что? А, нет, грушевый торт я не купила, если ты, конечно, о нем. Кстати, а с каких это пор ты его полюбил?

«С какой стати она заговорила со мной о грушевом торте?» – спрашивает себя Жан-Пьер.

– Изабель, давай просто оба признаем, что ты меня не слу-

шаешь, хорошо?

– Да слушаю я, слушаю! Уже иду!

18 часов 20 минут

– Сюрприз!

Когда Изабель протягивает ему подарок, все это время восседавший на журнальном столике, Жан-Пьер, завернувшись в свою хламиду, все той же бесформенной кучей распластан по дивану. Это картонное сооружение настолько прекрасно, что ей, скорее всего, захочется его оставить... На деле он, наверняка как большинство мужчин, никогда не понимал страсть, которую Изабель, наверняка как большинство остальных дам, питала ко всяким коробкам – всевозможных форм, размеров и цветов. Что вообще можно хранить в этих картонках, которые они, по-видимому, коллекционируют целыми дюжинами? Жан-Пьер в них уже сто лет не заглядывал. Это епархия Изабель.

Хотя в последние несколько лет ее территорией стала вся квартира целиком, а не только ее недра. Она правит ею безраздельно. Вещи Жан-Пьера, доставшиеся ему в наследство от прошлого, когда еще не было ее, задержались там лишь на краткий миг в самом начале их совместной жизни, а потом постепенно исчезли. Изабель обожает наводить порядок, в том числе и в воспоминаниях мужа. «Тебе правда так важно оставить оловянных солдатиков?» Эту коллекцию начал собирать в детстве еще его отец, а продолжил он сам, пусть даже и без особой убежденности. Тогда к чему за нее вое-

вать? У него вообще есть аргументы в ее пользу? «Вот их точно можно сбавить!» Когда у него отняли бразды правления квартирой, Жан-Пьер долго надеялся, что на все это хозяйство можно будет вообще наплевать, с молчаливого согласия с самим собой полагая, что так будет лучше всего. Однако у Изабель на сей счет имелись иные соображения. В ее представлении договоренности, молчаливые или нет, всегда налагают определенные обязательства. Поэтому когда муж чего-нибудь ищет, но, как водится, не находит, она тут же принимается его распекать: «Да от тебя с ума сойти можно! Ты никогда не знаешь, что где лежит в этом доме! Как гость, забежавший на минутку на огонек!» Ну это уж слишком. «С той лишь разницей, что «огонек» этот затянулся на двадцать пять лет...» – отвечает он с печальной улыбкой на губах, которая в конечном итоге всегда смягчает сердце Изабель. Она еще немного ворчит, чисто для проформы, а потом, будто по волшебству, являет ему предмет поисков.

Из умственных брожений его вырывает глухой звук. Это у него перед носом помахивает коробкой Изабель.

– Это мне? А что там?

– Открывай.

– Хорошо, но что это?

– Открывай, тебе говорят.

Изабель сияет. Жан-Пьер ее просто обожает.

Как она вообще умудряется сохранять эту улыбку вопре-

ки всем жизненным невзгодам? О нем такого точно не скажешь. Он чувствует, что со временем все больше сдает. О полном отречении речь пока не идет, но ждать конца уже недолго. Хотя пока, как говорится, все идет нормально. С деньгами и положением в обществе полный порядок; жена, из которой ключом бьет жизнь; взрослая дочь, постигающая прекрасную науку экономики в Лондоне; а из недугов одни лишь сезонные заболевания. Но ведь никому еще не хотелось наложить на себя руки из-за какой-то ангины!

Жан-Пьер берет коробку, развязывает ленточку, открывает и достает платье в цветочек.

– Что это?

– Платье.

– Вижу, что платье, я не слепой.

– Тебе нравится?

– В каком смысле?

– В смысле платья – оно тебе нравится?

– Как это?

– Как по-твоему, оно красивое?

– Э-э-э... ну да. Даже очень красивое.

18 часов 22 минуты

Изабель словно каждый день находит повод для радости. Выпить с подругой по чашечке кофе, прочесть хороший роман, испечь отменный пирог, купить новое кресло, украсить квартиру к Рождеству, съездить на выходные в Перш. Судя по всему, ее может привести в восторг что угодно. Но тогда получается, что сегодня залогом ее счастья стало приобретение этого платья?

Ну хорошо, пусть она его купила. Но дарить эту вещь, будто она предназначена ему, как-то странно. Хотя если это ее забавляет... Одно время он, особо не напрягаясь, втягивался в эту игру, выражая хоть и напускную, но все же бурную радость от того, что Изабель пришло в голову сделать ему такой подарок. Но на этот раз – нет. Для игр он слишком устал. И для притворства тоже.

– Может, все же отменим ужин, а? Я вусмерть измучился...

Изабель говорит, что психоаналитик, выступающий с позиций теории Жана Лакана, от такого пациента был бы на седьмом небе от счастья.

«Отменить ужин?» Будто себя можно оградить от будущего, соблюдая меры предосторожности. В последнее время ее не отпускает ощущение, что с Жан-Пьером творится что-

то не то. И это еще мало сказано...

– Нет, мой дорогой, отменять мы ничего не будем. Поль и Соланж, должно быть, уже едут.

Жан-Пьер бросает взгляд на часы.

– В двадцать минут седьмого?! Да быть того не может, если учесть, с какой скоростью ездит Поль...

– Он человек благоразумный.

Хорошие слова жены в адрес Поля или любого другого мужчины из знакомых им семейств всегда задевали Жан-Пьера за живое и ранили гордыню. В открытую она ничего не уточняет, но в ее словах он прекрасно чувствует подспудное сравнение с ним. Если кто-то из них такой либо этакий, на деле это означает «ты не такой или не сякой». Причем параллели эти, вполне естественно, проводятся отнюдь не в его пользу. «Представляешь, Поль устроил на день рождения Соланж такой сюрприз! Ужас как мило с его стороны, правда?», «Знаешь, Поль просто взял и заявил, что тем же вечером они поедут в Венецию! Просто восторг». Что касается Жан-Пьера, то он никогда не устраивал Изабель на день рождения сюрпризов. Не знал, с какой стороны к ним подойти. И поездку в Венецию им организовала она сама. Ей пришлось все устроить заранее, постоянно напоминая ему дату отъезда и время вылета самолета, которые он без конца забывал. Со стороны могло даже показаться, что специально. Хотя сам он клялся в обратном.

– Да, он действительно благоразумен, но только чтобы быть благоразумным, для него это самоцель! Как по мне, так Поль ездит самое большее на второй скорости, никогда не переключаясь на третью. Все проще некуда: добавь ему еще капельку благоразумия, и он тут же сдаст назад. С другой стороны, это с лихвой компенсирует Соланж...

– И что же с ней не так, с нашей бедняжкой Соланж?

– Помнишь, как она однажды попыталась припарковаться на нашей стоянке?

– А что, поставить машину на нашей парковке уже стало проблемой?

– Скажешь тоже, ничего подобного! Беда лишь в том, что там уже стояла машина. По случайности моя. Не знаю, о чем она в тот день думала и что себе говорила: «Если потесниться, места всем найдется»? Прямо болезнь какая-то... Не понимаю, как Поль вообще доверяет ей руль.

– Чтобы она училась.

– Училась? Но чему?

– Водить машину.

– Да у нее права уже двадцать лет! Для разминки как-то многовато...

От воспоминаний о помятом крыле своей машины у Жан-Пьера еще больше портится настроение. Он встает, раздраженно стаскивает с себя старую хламиду и вешает ее в шкаф у входа. «И на том спасибо», – говорит себе Изабель, нацепив наискосок на лицо улыбку. Вспышки мужниного гне-

ва кажутся ей недобросовестными и чрезмерными, но в них она всегда находит для себя развлечение. Точнее, находила раньше. В последнее время ей больше хочется их избежать. Предоставить ему полную свободу действий. Пусть сам упирается этой своей усталостью.

– Какой же ты ворчливый! Оставь Поля с Соланж в покое.

– Дак я тебя о том и прошу! Видишь, ты ведь сама сказала, что мы зря их побеспокоили. Ну что, отменяем ужин? Давай же, не тяни.

– Ну уж нет, отменять мы ничего не будем.

«Нет, сыграть надо вдумчиво и наверняка», – думает Жан-Пьер. Воспользовавшись другой партитурой – нежности. Да, смягчать Изабель со временем ему все труднее и труднее, но попробовать все же стоит. Поэтому, желая надавить на чувства, он берет жену за талию. Они стоят лицом к лицу, целомудренно соприкасаясь телами. Он смотрит ей прямо в глаза, она демонстрирует ему безупречные белые зубы.

– Тебе не кажется, что нам неплохо бы побыть наедине – только ты и я?

Брови Изабель превращаются в два вопросительных знака.

– Что значит «побыть»?

Жан-Пьер вдруг понимает, что если раньше невинный вид девочки-переростка, который она порой на себя напускает, его веселил, то сегодня больше склонен бесить. Есть вещи,

которые в пятьдесят лет точно делать не стоит.

– А то и значит, что побыть. Для мужа и жены вполне нормально побыть вдвоем... Один-единственный вечер...

– Дорогой мой, мы с тобой вот уже двадцать пять лет по вечерам совершенно одни. И честно говоря, мы вообще никогда не упускаем друг друга из виду.

Теперь осталось только последнее средство. Хотя Жан-Пьер уже знает, что сражение проиграно. Но разве победа не была изначально за ней?

– Ну и что? Лично я не устаю на тебя смотреть.

– Я тоже... Но время от времени неплохо и немного проветриться.

Жан-Пьер выпускает из рук бедра жены, в действительности весьма мучительно воспринимая ее безобидную иронию, подходит к зеркалу у входа и смотрит в него.

– И отвратительная же у меня рожа...

Лицо осунулось, глаза ввалились внутрь, и оправа очков больше не в состоянии скрывать вокруг них круги.

– А почему проветриться? Тебе что, жарко?

– Какой же ты глупый...

Все так же пялясь на себя в зеркало, Жан-Пьер вдруг чувствует, что его губы растянулись в какой-то странной ухмылке. Будто в гримасе, без остатка завладевшей его лицом и неподвластной контролю с его стороны.

– Ты что же, задыхаешься рядом со мной, да?

– Нет, Жан-Пьер, я с тобой ничуть не задыхаюсь, но

немного новизны тоже не навредит.

Ему надо бы повернуться, чтобы она увидела на лице эту отвратительную гримасу и поняла, в каком он состоянии. Чтобы хоть немного догадалась, что он думает об этом ужине, о жизни, о ней, а заодно и о том, как ему с ней живется. Только вот знает ли это он сам?

– Ага, понятно. Значит, Поль и Соланж у тебя стоят на полке с новизной? Извини, радость моя, но как ни крути, а они уже далеко не первой свежести! Это даже не винтаж, а самое настоящее барахло... Ну так что, отменяем ужин?

– Нет, Жан-Пьер, ничего мы не отменяем.

18 часов 26 минут

Книги на большом журнальном столике Изабель располагает в таком загадочном порядке, что он даже кажется точным. Толстенные фолианты с небольшим количеством текста и обилием иллюстраций о Майлзе Дэвисе, архитектуре Марракеша или же об итальянской кухне. Декоративные издания, совсем не предназначенные для того, чтобы их читать, – пользы от них не больше чем от безделушек, не оставляющих после себя никаких воспоминаний. В благоприятные деньки они купаются в свете. В скверные – в пыли. Эти книги прокляты приходящей домработницей Марией, ответственной за чистоту и порядок в квартире из расчета четырех часов в неделю.

Жан-Пьер вновь сел на диван, включил телевизор, выбрал новостной канал и теперь смотрит на экран с видом коровы, взирающей на проходящие мимо поезда. Кадры сменяют друг друга с выключенным звуком. Когда он вот так дует, как капризный ребенок, Изабель хоть и забавляется, но поддаваться на его уловки все же не собирается.

– Ты вроде собирался пообщаться не с телевизором, а со мной, нет?

– Ты меня достала, – отвечает Жан-Пьер, даже не удостоив ее взглядом, – говорю тебе, еще немного, и я околею от усталости! Ты можешь это понять? Околею, и все!

Нет, Изабель эту его усталость не понять. По сути, как и любую другую в принципе. В ее представлении в лучшем случае речь идет о предрасположенности к лени, в худшем — о разболтанности и привычке все пускать на самотек. Жизнь совсем не обязательно превращать в поле битвы, но двигаться вперед, чтобы хоть немного ее улучшить, так или иначе необходимо. А если уж на то пошло, то и вовсе достичь идеала, почему бы и нет.

Отдавая ей в полной мере должное, надо заметить, что стремиться к совершенству она заставляет не только окружающих, но и саму себя. Редко увидишь, чтобы Изабель где-то дала слабину. Да и потом, она хороший товарищ. Когда кто-то из ее близких явно не на высоте, когда очередная подруга мучительно пытается навести в своей жизни порядок, она берет ее за руку и помогает преодолевать ступеньку за ступенькой. Но (ведь «но» так или иначе присутствует всегда) горе тому, кто откажется от ее помощи. Такого человека из своей жизни Изабель выбрасывает раз и навсегда. Жан-Пьер, может, и не в курсе, но к нему это тоже имеет отношение.

Изабель всегда знала, что если она и выйдет замуж, то ее будущий муж точно не будет располагать достаточным количеством внутренних ресурсов для самостоятельного движения вперед. Она выбирала из тех, кого обязательно надо направлять, подталкивать, а порой и тащить за собой. И до се-

годняшнего дня это работало. Он хоть и не просил о помощи, но и сопротивления не оказывал, а этого уже было достаточно. Если поставить его на нужные рельсы, он и сам уже может расстараться. Самое трудное с ним – это начать.

Она, как водится, всегда была от него на шаг впереди, что вполне логично. А он хоть и плелся за ней в хвосте, до последнего времени все же мог кое-как выдерживать ритм. Но несколько месяцев назад Изабель заметила, что хотя ей все чаще приходится ждать, когда муж подтянется, он все больше отстает, застревая на старте. Между ними наметился разрыв. Она, пусть даже медленно, движется вперед, но когда поворачивается, видит, что он уменьшается на глазах. Незыблемые законы перспективы.

«Жан-Пьер застыл на месте и превратился в вялое, безжизненное существо», – сказала она как-то Катрин. «Надо полагать, это всего лишь крохотный момент слабости, – со смехом ответила сестра. – Да и потом, пока в человеке теплится жизнь, теплится и надежда, разве нет?»

Катрин права. Изабель не должна отказываться от попыток его встряхнуть. Даже если для этого придется вести себя с ним резко, как, например, этим вечером. В конечном итоге она вытащит его из пучины апатии. Вырвет из объятий липкого клея. В противном случае ему придется пережить презрение – а то и безразличие, – которое Изабель питает к тем, кого вышвыривает из своей жизни. К тем, кто топчется на месте.

– Ты разве не понимаешь? Я так больше не могу!

Поставив на место последнюю книгу, антологию какого-то дизайнера, Изабель гладит мужа по щеке и смотрит нежным взглядом – как мать на ребенка, совершившего глупость и теперь неумело пытающегося оправдаться. Да, видок у него действительно мерзкий. В глубине глаз залегла желтизна. Надо будет сделать ему эхографию брюшной полости, а то как бы чего не вышло.

– Милый, ты не в настроении, но я все равно тебя очень люблю.

– Не в настроении? Я? Это у тебя шутка такая? Я на грани нервного срыва, а для тебя это лишь «не в настроении»?

– Бедный мой малыш... Ты что, собрался в санаторий? Или, и того лучше, в дом престарелых? У моей мамы в пансионате двуспальная кровать, так что если тебе это интересно, можно...

– Какая же ты у нас умная...

Изабель прячет улыбку. Победа в битве осталась за ней. Поль с Соланж приедут к ним на ужин, и все пройдет как задумано.

Но вот Жан-Пьеру не до смеха. У него больше нет ни малейшего желания веселиться и хохотать. Смеяться самому и смешить других для него уже в прошлом. Хотя некоторые даже приписывали ему к этому дар. Фантазии ему сроду было не занимать. Однако с течением лет на смену ей в его ду-

ше пришла глухая, гнетущая серьезность. Серьезность, которая тяжким бременем клонит книзу его крупный скелет. На этом диване, перед телевизором с выключенным звуком, он чувствует себя неподъемным и грузным.

Через несколько минут, окончательно наведя в гостиной порядок, Изабель опять взяла с дивана открытую коробку.

– Ну так как насчет платья?

18 часов 28 минут

– Жан-Пьер, ты что, не слышишь? Я задала тебе вопрос...

– А? Что?

Голос жены рывком вырвал его из состояния дремы, в которую он погрузился, загипнотизированный экранными картинками. В последнее время его то и дело выдирают таким вот образом из мира, даже не спросив, хочется ему того или нет. Сколько раз ему приходилось уходить с собрания, понятия не имея, о чем на нем говорилось? Сколько раз он сидел за ужином, не понимая, о чем говорят вокруг? Сколько раз за рулем ему довелось пропустить нужный поворот с Периферик?³ Да о чем вообще говорить, если он даже не помнит характера своих мысленных блужданий! Что-то вроде дискретной комы.

– Я о платье. Как оно тебе?

– А что платье? Э-э-э... Оно... Оно... Да не знаю я... Красивое, вот что.

– И это все, что ты можешь о нем сказать?

Ох уж эта ее манера отвергать ответ, если он ей не нравится.

– Ну почему же, я могу и больше...

Ох уж эта его манера то и дело попадать впросак.

---

³ *Периферик* – кольцевая автомобильная дорога вокруг Парижа протяженностью 35 километров.

– Тогда я тебя слушаю...

– Ну... Оно симпатичное... В цветочек... Пестренькое...

Как на меня, даже слишком.

– Согласна, действительно очень пестрое... Что еще?

– Знаешь что, – ворчит Жан-Пьер, – я не собираюсь устраивать тебе лекции по поводу этого долбаного платья! И потом, сначала мне надо посмотреть, как оно будет сидеть. Хотя я даже не сомневаюсь, что оно тебе отлично пойдет, птичка моя... Ну так как, может, все же отменим ужин?

«От этой «птички» за километр несет иронией, но все лучше, чем ничего», – думает Изабель.

Сидеть напротив Поля и Соланж, видеть предсказуемые физиономии каждого из них и слушать их навязчивые разговоры для Жан-Пьера выше всяких сил. Будто эта парочка была неотъемлемой частью их собственной семьи и придавала ей законную силу. Примерно то же самое, что играть в парный теннис, никогда не меняя партнеров. Неизменно два на два, лицом к лицу. Игра отражений в зеркалах. А ужин, когда одна такая парочка приходит в гости к другой, будто создан для того, чтобы утвердить их в качестве единого целого. Чтобы гарантированно быть вдвоем, надо обязательно встретиться вчетвером. Мы крепкая, проверенная, надежная чета, в доказательство этого пригласившая на ужин чету наших друзей.

– Это платье я купила не себе.

– А кому? Уж не Соланж ли? У нее что, опять день рождения? Сколько раз в году она их отмечает, а?

– Как все, один. В прошлом месяце. И его ты, кстати, тоже хотел отменить.

– Это я по привычке забежал вперед.

– Но в конечном итоге остался очень доволен той вечеринкой... Короче! Это платье, естественно, я купила не для Соланж. И тебе это прекрасно известно, ведь...

Но Жан-Пьер уже опять отключился и больше ее не слушает.

К нему вкрадчиво возвращаются воспоминания о том вечере. Немного расплывчато. Жан-Пьер не стареет, у него просто путаются мысли. Он будто в тумане видит квартиру, на фоне которой смутно выделяется масса гостей, устроившихся в гостиной и на кухне. Они сбились в стайки, похожие на виноградные гроздья: приглашенные липнут к тем, кто громче всех говорит. Ему в глаза лезут салатницы, доверху наполненные непонятным содержимым, и блюда, ломящиеся от пирогов, фруктов, салатов и чипсов – традиционная «глуби-бульга»⁴, призванная выпитывать алкоголь. Из пелены медленно выплывает ликующее лицо Соланж, которую по какой-то непонятной причине до этого держали за дверью (организатору сюрприза на день рождения всегда помо-

---

⁴ Воображаемое любимое блюдо динозавра Казимира из французского телешоу «Детский остров».

гает пара сообщников, чрезвычайно дорожащих возложенной на них миссией). Увидев, что ей приготовили сюрприз, и поняв, в чем он, собственно, заключается, она тихо вскрикивает от радости. Гости умиленно улыбаются, как и полагается по такому случаю. Какое счастье! Какой спектакль! Соланж изображает актрису, а приглашенные профессионально исполняют свои вторичные роли. Каждый ведет свою партию. Соланж сто процентов была в курсе тайных приготовлений Поля к дню ее рождения. Наверняка копалась в электронной почте своего идеального супруга, желая убедиться, что достойно отметит свою сорокатрехлетнюю годовщину. Но неужели это и правда привилегия – чувствовать бег времени в присутствии всей этой публики с вымученными улыбками на лицах? А груда нелепых подарков, включая умную акустическую колонку, сообщающую владельцу, сколько варить всмятку яйца, где живет ближайший слесарь и когда родился Ги Люкс?⁵ Неужели это действительно большая честь? Теперь Жан-Пьер хорошо помнит, что в тот момент совсем не был в этом уверен.

А раз так, то нет, той вечеринкой он даже близко не был «доволен». Просто притворялся. В конечном счете, как и все остальные. Должно быть, вел с сестрой Соланж разговоры о реформе выпускных экзаменов в школе. Жуткая воображала, училка математики, усердная читательница журнала «Те-

---

⁵ Ги Люкс (1919–2003) – известный французский продюсер и ведущий, в целом создал на радио и телевидении свыше пятидесяти передач.

лерама». До смерти надоедливая и скучная. Еще он наверняка болтал о футболе с лучшим другом Поля – несносным оптометристом, сторонником Жан-Люка Меланшона и воинствующим читателем спортивной газеты «Л'Экип» в электронном виде на планшете. И не только читателем, но и слушателем. «С бумагой покончено... Еще чуть-чуть, и все без исключения будут читать только с экранов». Чтобы поддержать его теорию, Жан-Пьер, должно быть, влил в себя не один стаканчик пунша. Завтрашняя головная боль всегда лучше сегодняшней.

– Очень доволен, очень доволен... Что-то сомневаюсь я, чтобы мне так уж понравилось! Думаю, просто делал вид. Придурялся.

– Ага! Так, может, ты и сейчас придуряешься, а?

Этот ее ироничный тон начинает его всерьез бесить.

– Да, Изабель, представь себе, мне действительно приходится ломать комедию. И ты даже не представляешь как часто.

Он знает, что она права, но все равно врет, потому как у него нет другого выбора. Притворство, пожалуй, к тому и сводится, чтобы лгать.

Не без толики раздражения Изабель поправляет букет цветов на комод. Каждый раз, когда она приносит их домой, он проявляет показной интерес. «А что это? Лилии? Вот эти желтые, это лилии, да? Я думал, они белые... Что ты гово-

ришь! Значит, бывают и желтые, я так и думал...» – «Если тебя так интересуют цветы, мог бы их мне иногда и дарить!» Да, мог бы. Только ему лень.

Приведя вазу в порядок («И что изменилось?» – задается вопросом Жан-Пьер), Изабель выскальзывает на кухню. А несколько минут спустя уже ставит рядом с грудой бесполезных книг на журнальном столике поднос, на котором красуются четыре бокала на ножке, бутылка вина из винограда, выращенного в окрестностях города Бон, и небольшая чашка с черными оливками. Затем, не говоря мужу ни слова, опять уходит на кухню, но через мгновение возвращается – на этот раз с тарелкой сырых овощей.

– Это на смену твоим любимым колбаскам, мой дорогой. Так будет лучше для твоего холестерина!

Жан-Пьер бычьим взглядом смотрит на аперитивную хореографию жены. Нет, от этого ужина ему не отделаться. Надо решаться.

18 часов 32 минуты

Устроившись на диване, Изабель заморила червячка шоколадно-зерновым батончиком и без особой убежденности листает еженедельник «Эль». Жан-Пьер нажимает пальцем кнопку на пульте, выделяющуюся своей потертостью на фоне остальных, и выключает телевизор.

– Так для кого же оно все-таки, это платье? Только не говори мне, что ты купила его в качестве еще одного подарка Марии. Знаешь, Изабель, с этим надо кончать, кончать, и все! Я в курсе твоих левых убеждений, но это еще не повод каждую неделю дарить что-нибудь домработнице! Хочу напомнить тебе, что я плачу ей зарплату!

«Не ты, а мы», – внутренне поправляет она его, закатывая к потолку глаза. Пусть говорит, пусть разоряется, пусть вещает этот свой монолог. Она не станет ему мешать. Не потому, что садистка или ей весело. Просто от усталости. В конце концов, у нее тоже есть право дать себе небольшую передышку. У Жан-Пьера нет ни малейшего повода талдычить, что только он один и перетрутился. Хотя, по сути, все обстоит гораздо хуже – он не просто выставляет свое утомление напоказ, он им кичится. С таким видом, будто его это заводит. словно эта его экзистенциальная усталость не убивает его, как ей положено, а, напротив, служит чем-то вроде двигателя и наделяет смыслом жизнь.

– Все?

– Нет, не все! Ведь зарплата, которую я плачу нашей домработнице, очень даже приличная! Такими темпами она, рано или поздно, станет одеваться лучше тебя!

– Ну и что? Это так страшно?

– А дальше? Может, мне у нее дома еще и плитку прикажешь положить, пока она будет таскать вещи из гардероба моей жены?

Жан-Пьер срывается с дивана, на котором по-прежнему сидит Изабель, и начинает наворачивать вокруг него круги, будто лев в клетке. Впрочем, нет, не лев. Львы, даже в цирке и зоопарке, двигаются плавно и величаво. Может, тогда ягуар, более взвинченный и порывистый? Тоже нет. Слишком много для него чести. Как гиена? Да, вот оно, точно гиена. Он похож на гиену, злобную и трусливую одновременно, которая кружит вокруг своей жертвы, не осмеливаясь по-настоящему на нее наброситься. На никчемную гиену без мотивации и даже без настоящего голода, которая ровным счетом ничего собой не представляет.

Оторвав взгляд от фотографии Кристианы Тобиры, напечатанной в качестве иллюстрации к статье «Новые иконы», Изабель переводит его на гиену в образе мужа – с чуть согнутой спиной и вздыбившейся на затылке шерстью.

– Что ты тут передо мной вертишься! У меня от тебя голова кругом идет.

– Ты вообще знаешь, какие они?

– Кто?

– Португальцы, Изабель, португальцы! Добродетельный народ, которому совсем не нравится просить милостыню. Гордыня у них заложена в самой ДНК.

– Тебя не поймешь, на той неделе ты талдычил мне о гордыне испанцев, а теперь...

– На той неделе было на той неделе! Да и потом, как ни крути, а португальцы с испанцами одного поля ягоды... Что их разделяет, а? Что? Ты можешь мне это сказать? Ничегошеньки! Ровным счетом ничего! А еще лучше – трижды ничего. Да, между ними лежит граница... Но гордыня, должен тебе заметить, она как облако после Чернобыля – ее никакой границей не остановить.

Изабель приходит в голову мысль, что времена, когда ее развлекали его лихие теории, остались далеко позади. Это как приколы туроператора «Клоб Мед» – в начале отдыха еще ничего, даже смешно, а под конец ты больше не можешь и тебя от них просто тошнит. Хочешь вымарать их из окрестного пейзажа, чтобы перед тобой простиралось одно только море.

Когда-то Жан-Пьер развлекал публику и вышел в этом деле на двенадцатый уровень мастерства. Сегодня в его внутреннем термостате осталась только одна ступень. Факт, конечно же, мучительный, но надо принять очевидное: теперь он не только говорит, что думает, но и думает точно то же, что и говорит. Нюансы, утонченность, деликатность – этих

понятий для него больше не существует, как и многих других. Жан-Пьер превратился в сплошной монолит. «Мой муж стал лишь одной большой глыбой глупостей», – думает Изабель, опуская глаза на снимок певицы Крис, которая так любит водить дружбу с королевами⁶. Мужской костюм, короткие зализанные волосы, образ плохого парня. Заголовок гласит: «Зовите меня Крис».

– А какое отношение Мария имеет к Чернобылю?

– Да никакого! Я хочу лишь сказать, что португальцев нельзя баловать, пытаюсь во всем услужить. Потому что когда все это подходит к концу – а рано или поздно подходит обязательно, – они теряются и даже понятия не имеют, что делать.

А если Изабель ошиблась с самого начала? Что, если Жан-Пьер всегда был таким придурком? Да нет, быть того не может. Но заметить за ним что-то такое ей все равно не мешало бы.

– Да о чем ты вообще говоришь, а?

– Ты что, не видишь, как Мария стесняется, когда ты ей что-нибудь даришь? «Я ошшень, мадам, я ошшень... нет возможность принять...»

Боже мой! Вот до чего он докатился... Уже изображает португальский акцент. Что стало с этим мужчиной, отцом ее дочери, за двадцать пять лет? Элоди ведь так великолепно

---

⁶ Элоиза Аделаида Летисье (род. в 1988 г.) – французская певица и автор песен, выступающая под сценическими псевдонимами Chris и Christine and the Queens.

на. Где же в ней тогда прячутся паршивые гены родителя? Неужели они, как и в случае с ним, через сколько-то лет тоже заявят о себе? Неужели подчинят себе все остальное? Изабель чувствует, как по позвоночнику катится волна дрожи. Зная, что окажись их девочка сейчас здесь, она не удержалась бы, внимательно к ней присмотрелась и обшарила взглядом в поисках отцовских черт в надежде так ничего и не обнаружить. От этой мысли ее охватывает стыд. Вот до чего ее довел Жан-Пьер – она допускает, что Элоди, их малышка и любовь всей ее жизни, может быть ей противна, и от этого гарантированно отвратительна самой себе. В это самое мгновение Изабель себя просто ненавидит.

– Прекрати, Жан-Пьер...

– Нет, ты послушай. Как-то раз я предложил подарить Марии в деревню электрический культиватор... Так вот она не знала даже куда деваться! В самом прямом смысле этого слова!

Деревня – это дом в Перше, купленный лет десять назад. В те времена они еще строили планы. Жан-Пьер вбил себе в голову «поправить» (пользуясь тогда именно этим термином) старую постройку. Но после ряда поправок, балансировавших на грани между неудачей и катастрофой, в конечном итоге он решил обратиться за помощью к мастеру из местных – молодому типу с хвостиком на затылке и навыками, которые не удовлетворили нового хозяина, а вме-

сто этого лишь еще больше его взбесили. «Ну просто мастер на все руки!» – с горечью говорил он Изабель, которая была слишком занята трудами на участке, чтобы его услышать. Пока Жан-Пьер негодовал, жена превращала заброшенные джунгли в английский сад, достойный всяческих почестей на страницах глянцевого журнала «Норманди магазин». На улице Изабель в соломенной шляпе с секатором и мешками перегноя, в доме – юный паренек с мастерками и цементом, а посередине Жан-Пьер – с пустыми руками. Через пару месяцев упорных усилий их деревенский дом превратился в приятный курорт, где Изабель на выходных либо в отпуске и сегодня без конца что-нибудь мастерит, выращивает или готовит. Раньше ей нравилось смотреть, как Элоди крутила на газоне колесо или носилась по окрестностям на велосипеде. А теперь полюбилось видеть их девочку в окружении друзей, которых она время от времени привозит с собой в Перш. «Когда с нами молодежь, это же хорошо, правда, Жан-Пьер?» Призывая юношей и девушек в свидетели, она заставляет мужа высказывать мнение, хотя сам он в принципе ни о чем таком не думает. Не так давно муж поцапался с неким Жюльеном по поводу Греты Тунберг и ветряной энергетики. Мелкий, гнусный засранец! Такой же, как эта его скандинавская богиня. Если бы Элоди на него за это хотя бы разозлилась... Но куда там! «Ладно тебе, Жюльен, поговори о чем-нибудь другом, ты же видишь, что даже в подметки не годишься моему отцу, великому климатологу перед лицом

вечности... Пап, ты не напомнишь мне, когда получил Нобелевскую премию?» – подколола она. Жестокая ирония дочери по отношению к собственному отцу.

Когда Жан-Пьеру не приходится ругаться с приятелями дочери, в Перше он буквально подыхает от скуки. И немного отвлечься может только одним способом – развести в камине огонь. Получается это у него только один раз из трех. Если, конечно, не реже. То из-за этих мерзких сырых дров, то из-за чертова навеса, который он вообще-то намеревался сложить сам, отказываясь от коварной помощи наглеца с хвостиком на затылке и в сапогах на шнуровке, но потом отступил, осознав непомерность задачи. Но самое главное, и даже наиглавнейшее, ничего не выходит из-за чудовищных нормандских дождей. Да что ему такое в голову взбрело, что он решил вложиться в этот уголок Франции, где хляби небесные стоят разверстые круглый год? Мог бы, допустим, купить квартиру в Бандоле, и тогда не было бы ни этого мелкого, подлого дождя, ни повернутых на экологии приятелей дочери, ни амбициозных молодых мастеров, ни плантаций Изабель, ни постоянных, унижительных неудач с очагом.

– Говоришь, Мария не знала куда деться? А по-моему, она не знала, куда деть твой электрический культиватор.

– Как это?

– А так, что она живет в двухкомнатной квартире на третьем этаже у метро «Порт де Шуази».

– И что из этого? Португальцы же здоровяки не хуже

остальных! Как-нибудь затащила бы его к себе, этот мото-культиватор. К тому же голыми руками!

– Ну хорошо, пусть затащила бы, но что с ним потом делать, с этим твоим агрегатом? Ковер подстригать? Или, может, линолеум пахать?

– У тебя ума на семерых хватит.

– Да и потом, он сломан, этот твой культиватор. А ты мне о каких-то подарках долдонишь.

– Должен заметить, что Мария – мастерица на все руки. Если в ванной накрылась прокладка, она пулей мчит туда, потому как не может с собой совладать. Я еще не успеваю открыть ящик с инструментами, а у нее в руках уже банка герметика. Что-то мастерить у португальцев в крови.

«Что-то мастерить у португальцев в крови...» Изабель никак не может прийти в себя от шока. Ко всему прочему, этот козел даже не собирается шутить.

Жан-Пьер садится обратно на диван и хватается бутылку вина, вынашивая план ее открыть. Ну и где у них штопор? Куда Изабель могла его засунуть? Ох уж ее мания вечно все прятать...

– А почему не шлюха, раз ты уж об этом заговорил...

– Шлюха? Какая шлюха? Что ты мне голову морочишь какими-то шлюхами?

– Скатившись к дебильным клише, ты вот-вот заявишь мне, что у Марии, как и у всех португальских подруг, в крови

прыгать из одной мужской кровати в другую. А еще что они все усатые.

– Раз уж ты сама подняла эту тему, они и в самом деле...

– Нет! Нет, Жан-Пьер. У Марии никаких усов нет.

– Ну конечно, она же их бреет.

– Что за чушь ты несешь!

Пошарив на журнальном столике, отодвинув несколько тарелок с сырыми фруктами и овощами, потревожив книги, которые Изабель только-только привела в порядок, Жан-Пьер вынужден признать неизбежное – штопора нигде нет... На кухне! Он, должно быть, на кухне. Все так же сжимая в руках бутылку, он идет туда.

Изабель слышит, как муж поочередно открывает ящички и с грохотом задвигает их обратно. Штопор лежит на мойке. Она это хоть и знает, но предпочитает не мешать ему в поисках – пусть помучается и потреплет себе нервы, срывая злость на мебели, которая здесь совершенно ни при чем. Ей в голову приходит мысль: ее ведь скоро все равно менять в рамках следующего проекта по переустройству квартиры. А раз так, то он может срывать ее со стен, крушить, делать что угодно. В итоге у нее будет прекрасный повод заказать новехонькую кухню.

Жан-Пьер с триумфом возвращается в гостиную. Штопор он нашел. Большого счастья на его физиономии не было бы, даже выиграй он Уимблдонский турнир.

– Вот он! – говорит он, размахивая трофеем под носом у

– Да что ж это такое! Неужели этой штуковиной могут пользоваться только выпускники Высшей политехнической школы?

И вдруг, сам не зная почему, достигает желаемого результата. Штопор цепляется за горлышко, тихо жужжит моторчиком, загорается голубой огонек, и Жан-Пьер чувствует, что пробка пошла. Наконец бутылка открыта. Но от этого штопор никоим образом не утратил своего дерьмового характера. Его «Шарль де Голль» был лучше. Как ни крути, а раньше все было лучше...

Жан-Пьер щедро плещет себе в бокал вина и залпом выпивает. А проглотив, прищелкивает по нёбу языком. Изабель всегда терпеть не могла этот звук, но сказать об этом ему все же не смела. В этом тихом звуке ей слышится смесь вульгарности и претензии («он что, великим сомелье себя возомнил?»).

Первый утолить жажду, второй для удовольствия. Он наливает себе еще и идет сесть, но на этот раз не на диван, а в одно из кресел напротив. Широкий, мягкий трон, выбранный (конечно же) ею, против которого, по его собственному смиренному признанию, ему совершенно нечего сказать. Удобный, а больше ему от кресла ничего и не надо. Когда Жан-Пьер уселся в него в первый раз, Изабель была бы не прочь услышать от мужа, что оно элегантно, хорошее и гармонирует с остальной мебелью, а не просто дежурное «В нем отлично!». Как же этот мужчина умеет разочаровать.

Еще глоток вина. На этот раз поскромнее. К нему вернулся покой. В таком положении, скрестив ноги в просторном кресле, с бокалом в руке, он приобретает манеры владельца замка. Чувствует родство с сообществом ответственных, привязанных к месту господ, которые с наступлением вечера разговаривают о добытой на утренней охоте дичи и обсуждают завтрашнюю погоду, чтобы опять отправиться за зверем.

– И все равно Марии в своей квартирке у «Порт де Шуази» приходится коротать у камина долгие-предолгие выходные.

– Ты совершенно прав, мой дорогой! К тому же в двухкомнатных квартирках башен в Тринадцатом округе каминны встречаются на каждом шагу!

– Так или иначе, но наладить мотокультиватор она бы все же могла. Уверен, что так ей хотя было бы чем заняться.

– Ты меня огорчаешь...

Время бежит вперед. Одна на другую нанизываются минуты – из-за вина они скользят нежно и незаметно. Жан-Пьеру так жаль, что Изабель выбросила в мусорный контейнер старые громогласные стенные часы, доставшиеся ему в наследство от бабки с дедом по отцовской линии. Они бы отлично вписались в эту картину. Жан-Пьеру хорошо. Он чувствует себя в гармонии с вселенной.

– Ладно, так для кого оно все-таки?

– Прости, я тебя не поняла.

– Я о платье, которое ты только что мне показала. Для кого оно?

18 часов 45 минут

– Мой вопрос, Изабель, очень прост. Если это платье не для тебя, не для Соланж и не для Марии, то кому ты его купила?

– Тебе.

– Мне?

– Да, Жан-Пьер, тебе. Примерь его.

– Примерить? Но что?

– Платье! Примерь его.

– Ты хочешь, чтобы я примерил платье?

Ей что, вдруг взбрело в голову пошутить?

– Надень его, чтобы мне было видно, впору оно тебе или нет. В магазине я никак не могла определиться с размером. Должна заметить, что одеть тебя задача еще та.

Юмор явно не назовешь сильной стороной Изабель, хотя фантазию она, конечно же, проявить может. И оживляет весельем жизнь. Но грубой шуткой – никогда. Идиотские розыгрыши точно не в ее стиле.

– Ты решила меня таким образом приколоть?

Конечно же нет.

– О чем это ты? Одевать тебя дело непростое. У тебя большие руки, такие же большие ноги, но так себе бюст... Давай же, Жан-Пьер, бери платье и надевай! Если оно тебе не подойдет, я потом поменяю, кассовый чек у меня остался.

– В конце концов, Изабель...

– Хватит мне тут филонить! Сказано надевай, значит, надевай!

Давненько на ее памяти он не был таким растерянным. Даже если бы она заявила, что к нему в гардероб забрался пингвин и наделал в его штанах дыр, то он бы все равно так не остолбенел... Так ему и надо!

С возрастом Жан-Пьером все больше овладевает цинизм, и теперь его уже ничем не удивишь. Все меняется... Скотившись к худшему и без конца там барахтаясь, он больше вообще ничего не ждет. Да еще и Чорана своего цитирует по поводу и без. Как вчера вечером, когда Изабель заявила об улучшении погоды, а значит, света и серотонина, которых ему так не хватает. «Надеяться – это отрицать будущее», – ответил он на ее прогноз, укладываясь спать. Может, записать его на прием к психиатру? Надо подумать.

Если солнышко наконец в самом деле высунет кончик своего носа, это ведь замечательно! Но нет же, вместо того чтобы обрадоваться такой хорошей новости, Жан-Пьер предпочитает сворачиваться клубком над Чораном. «В своей хандре он зашел так далеко, что я, читая его, в конечном счете понимаю, что у меня все не так плохо. Да и потом, он меня смешит». По правде говоря, от фразы «надеяться – это отрицать будущее» просто обхохочешься! Еще он порой заявляет, что Чоран будет его лекарством! На что Изабель ему

отвечает: «Лучше овощами лечись. В одной морковке витаминов больше, чем во всем твоём румыне!»

Зачем же она так добивается, чтобы он напялил это платье? Жан-Пьер усиленно пытается пролить на ситуацию свет. Абсурдность просьбы никак не помогает. Примерить платье... А дальше-то что? Все окутано пеленой тумана, в котором не разобрать контуры этой нелепой просьбы. В тяге к экстравагантности Изабель никогда не замечалась и никогда ее не демонстрировала. У нее самый что ни на есть серьезный вид человека, который выдает вполне очевидные вещи и ждет от собеседника быстрых, связных ответов... Так что сумасбродство с ней не пройдет.

– Прости, Изабель, но я что-то никак не возьму в толк. С тобой точно все в порядке?

– Спасибо, в душевном плане у меня все просто супер. Но если ты и дальше будешь продолжать в том же духе, я могу не на шутку разозлиться. Так что сделай одолжение, надень платье. Если оно тебе как раз, будешь в нем сегодня вечером на ужине.

– Ага, дошло! У нас сегодня что-то вроде костюмированного бала?

Да, это он хотя бы понимает. Полный идиотизм, но в голове все же укладывается. Хотя если честно, то костюмированный бал в их возрасте – это... По достижении тридцатилетнего возраста переодеваются одни лишь актеры. И им за это даже платят. Но Жан-Пьер – топ-менеджер компании «Ко-

м'Бустер», а Изабель дерматолог. И дефилировать вверх по лестнице Каннского кинофестиваля в ближайшем будущем им явно не светит. Вечеринка с переодеванием, когда тебе за пятьдесят, – это полная нелепость. А всякий абсурд, как известно, убивает не столько молодых, сколько пожилых. Тем более что нынешним вечером Жан-Пьер чувствует себя особенно старым. Будто этот приступ усталости одним махом прибавил ему тридцать лет. Самый настоящий старик.

– Ты что, когда-нибудь видел бал-маскарад на четыре персоны? Сам-то хоть представляешь эту картину? Поль в образе Наполеона, Соланж в костюме Марии-Антуанетты, ты Губка Боб, а я Белоснежка! Серьезнее надо быть, Жан-Пьер, серьезнее...

Ну вот, теперь можно успокоиться, Изабель если и свихнулась, то все же не до конца. И на кого он будет похож в костюме Губки Боба? Да на идиота. А Изабель в ипостаси Белоснежки? Тоже ни о чем. Каштановые волосы, черные глаза, бархатная кожа, выступающие скулы, прекрасно очерченный рот и чуть алые губы – в костюме Белоснежки это будет чистой воды уродство. Что ни говори, а этой женщине идет любой возраст. Переступив пятидесятилетний рубеж, она буквально лучится светом. С каждым годом немного иначе, но все равно лучится. Жан-Пьеру приходит в голову, что ей надо бы об этом сказать. Такой вариант как минимум обладал бы тем достоинством, что положил бы конец этой шутке, которая и без того уже слишком затянулась. Но он ничего та-

кого не делает. Да еще и эта усталость... Поэтому он, как последний придурок, опять набрасывается на это платье.

– Но если это не бал-маскарад, то что я, по-твоему, должен сделать с этим долбаным платьем?

– Надеть его, несчастный ты умник! Неужели тебе не хочется хотя бы раз выглядеть поэлегантнее?

Как ни крути, а хорошо, что он не встал, не взял в ладони лицо жены и крепко ее не обнял. Изо всех сил, как раньше. Она этого не заслужила. Продолжает хохмить, хотя и видит, что ему не до смеха. Боже правый, какую такую игру затеяла его жена?

– «Хотя бы раз выглядеть поэлегантнее»? И как тебя понимать? Хочешь сказать, что я плохо одеваюсь, да?

– Нет, одеваешься ты неплохо, но... скажем, не всегда по последней моде.

Белоснежка бесследно растворилась в тумане, а ее место заняла злая мачеха. С возрастом Жан-Пьер все больше замечает в жене признаки злобы.

– По последней моде?

– Да, по последней моде... К тому же речь совсем не об этом! Когда приглашаешь на ужин друзей, можно надеть и что-то поизящнее. Обычно поступают именно так.

Вот уже и условности в ход пошли... Да что же это за бред, а! Что все это вообще означает? В конечном счете он у себя дома! И своих (немногочисленных) друзей принимает в чем пожелает сам. Если ему не хочется следовать моде, если

есть желание и дальше ходить в антикварном «Берберри», то это касается только его и больше никого. Он делает все, что заблагорассудится. Ну что за дерьмо, черт возьми! При чем тут вообще мода? У нас что, мужики уже щеголяют в платьях? Что-то раньше он ни о чем таком не слышал! Из какого специализированного глянцевого журнала она почерпнула столь дурацкую идею?

Теперь в кресле напротив, которое кажется ему «очень комфортным», Изабель видит лишь престарелого, злобного подростка. Бунт в таком возрасте отдает патетикой, как и его притворство – она лишь вежливо просит его надеть платье, которое сама ему так любезно подарила, а он делает вид, что ничего не понимает. «У меня теперь не семейное гнездышко, а цирк-шапито», – приходит ей в голову мысль. С цирковой ареной, на которой все без конца мчатся по кругу, никогда не останавливаясь. От этого устаешь.

– Если я правильно понял, ты хочешь, чтобы я ради изысканности напялил это платье?

– Ну и что? Не вижу в этом ничего необычного.

У Жан-Пьера чуть кружится голова. Но ведь не от пары же выпитых им бокалов вина...

– Изабель...

– Что?

– Скажи честно, ты что, выпила?

– В каком смысле?

– Уже успела приложиться к бутылке?

– Что ты такое говоришь?

– Пропустила до моего прихода пару бокальчиков, так?

Да-да, не притворяйся, малость хлебнула, и вот он, результат! Ну ничего, это не страшно... Но бдительность все же не теряй, а то начинается все с пары-тройки аперитивчиков в шесть часов вечера, а заканчивается в клинике.

Изабель смотрит на пустой бокал Жан-Пьера и посылает в его адрес недовольную, многозначительную гримасу. Тем самым, как это часто бывает, возвращает его к действительности, не произнеся ни единого слова. Проблемы с алкоголем не столько у нее, сколько у него. «Надо как-нибудь будет записать его к наркологу».

– Послушай, Жан-Пьер, если платье тебе не нравится, ты мне так и скажи. Я отнесу его обратно в магазин, и больше мы не обмолвимся о нем ни единым словом. Не нравится, да?

– Да послушай ты наконец! Вопрос совсем не в том, нравится оно мне или нет!

Зачем вечно создавать на голом месте проблемы? Их и так в жизни хоть отбавляй. Какого черта множить еще и новые?

– Тогда хотя бы его примерь!

Весь идиотизм в том, что, судя по виду, она даже не думает ломать комедию. У нее и наклонностей таких никогда не было. Не столько из-за отсутствия таланта, сколько из-за наличия вкуса. А в данном случае просто из отвращения. Ей

нравится только правда, и бросать вызов честности, даже ради игры, точно не в ее духе.

Жан-Пьер чувствует себя в ловушке – под ее давлением ему приходится играть в этой непонятной истории определенную роль. Изабель должна понять, что ему совсем не смешно. Вопрос лишь в том, действительно ли его жене так хочется его развеселить?

– Если ты вдруг не заметила – а после двадцати лет брака это было бы немного досадно, – я все-таки мужчина. А мужчины платьев не носят. За исключением разве что шотландцев, которые надевают килт. Но я не шотландец, а вот это, – продолжает он, злобно тыча пальцем в предмет их спора, – не килт, а платье в цветочек.

Да что на него такое нашло? Он что, решил ее немного подразнить? И если да, то с какой целью? Изабель никак не может понять ту мелкую игру, которую затеял ее муж. Ее не отпускает неприятное ощущение, что Жан-Пьер, делая вид, что ничего не понимает, на деле наносит оскорбление ее интеллекту. И заставляет вдалбливать ему совершенно очевидные вещи. Это внушает не только досаду, но и изрядную толику презрения.

– Так тебе цветочки мешают, да? Я так и знала! Говорила же продавщице: «Набивная ткань ему наверняка не понравится».

– Да плевать я хотел, набивная она или нет! Я мужчина, Изабель! Понимаешь? Мужчина! У меня сорок четвертый

размер обуви, волосатые оглобли и...

– Что и?

– Есть кое-что между ног...

– И что из этого? Кое-что между ног, Жан-Пьер, есть у всех. У тебя, у меня, у Марии... Если мне не изменяет память, я не просила тебя оставаться под платьем голым.

– Нет, она сошла с ума! Моя жена решительно сошла с ума! Я мужчина, понимаешь ты это или нет? Мужчина!

На глазах у Изабель муж, как больной, наворачивает по гостиной круги, чуть ли не с пеной на губах изрыгая слова. Так, значит, это она сошла с ума, да? Ну-ну...

Жан-Пьер явно слетел с катушек, и, чтобы вернуть его на истинный путь, ей придется постараться. Для этого Изабель перейдет на самый спокойный, нежный и уравновешенный тон:

– Солнышко, а каким боком принадлежность к мужскому полу мешает тебе носить это платье?

Он застывает на месте, опускает руки, до этого вздетые в молитве к небу, подходит к дивану и падает на него. «Моя жена сошла с ума... – срываются с его губ слова. – Окончательно и бесповоротно...»

19 часов 05 минут

Изабель в спальне. Что она еще может там замышлять? Жан-Пьер, все так же томящийся в стенах гостиной, об этом понятия не имеет. Но выяснять что-либо даже не собирается... Знает, что не сможет без нее жить, но от мысли, что их разделяет перегородка, ему не столько плохо, сколько хорошо. Они живут вроде вместе, но все же по отдельности. И его, по сути, это вполне устраивает.

Она вечно что-то предпринимает и пребывает в постоянном движении, чтобы, по ее собственному выражению, всегда дышать полной грудью. Он же томится, киснет и гниет прямо на месте. Из коридора доносятся четкие шаги Изабель. Под пятой точкой Жан-Пьера диван издает глухой стон. Они больше не играют одну и ту же музыкальную партию. Она живет и с каждым днем все больше себя проявляет. Он гибнет и замыкается в себе.

Перед тем как утонуть (навсегда?) в кресле, Жан-Пьер опять макает нос в бокал вина – то ли третий, то ли четвертый, уже и не вспомнишь. Но ему доподлинно известно, что Изабель вот-вот вернется. Вернется и опять пойдет в наступление. Никогда не признавать поражение всегда было ее первейшим достоинством, но в отношениях с мужем это злейший недостаток. Она в жизни никогда не выпустит ничего из рук. Он, конечно же, сбил ее с толку, но разве само по себе

это уже не отступление?

– Ты не ответил мне, Жан-Пьер.

Когда он поднимает на нее глаза побитого пса, Изабель говорит себе, что теперь муж похож не на угловатую гиену, а на старого кокер-спаниеля.

– Не ответил? На что?

– На мой вопрос о том, каким образом принадлежность к мужскому полу мешает тебе ходить в платье?

Жан-Пьер церемонно ставит на журнальный столик бокал.

– Хватит, Изабель! Краткость – сестра таланта. Вот придут Поль и Соланж, тогда и будешь искриться юмором, им ведь его так не хватает.

– Ты хочешь сказать, что раз Соланж и Поль работают в налоговой сфере, им недостает юмора, я правильно тебя поняла?

– К их профессии это не имеет ни малейшего отношения...

«А кто-нибудь вообще видел когда-нибудь веселого налогового?» – думает он. На свете нет профессии, располагающей к юмору меньше, чем эта. Служитель фиска не только не забавен, но и откровенно мрачен. Жан-Пьер, регулярно читающий еженедельники, причем всегда на старинный манер, в виде бумаги и типографской краски, будь то «Обс», «Экспресс», «Пуэн» – а в последние несколько месяцев и «Ва-

лер Актюэль», что, по мнению Изабель, представляет собой явный признак его скатывания на правые, реакционные позиции, – то и дело пропускает страницы, посвященные финансам, налогам, сбережениям и вложениям. Его ничто не угнетает так, как специально подготовленные тематические материалы, публикуемые газетами раз или два в год: «Налоги: решения для их минимизации», «Пользуйтесь с умом своими накоплениями», «Страхование жизни или гражданское общество по инвестициям в недвижимость: как сделать правильный выбор». Единственным чтивом, способным вогнать его в состояние такого же дискомфорта, является традиционная «Классификация больниц». Тем более что он не раз и не два спрашивал себя, кому это вообще надо. В конце концов, вряд ли кто-нибудь видел человека, который с сердечным приступом, разрывом аневризмы или острым перитонитом бросился бы в газетный киоск на углу, чтобы не дай бог не ошибиться адресом.

– Если я правильно поняла тебя, Жан-Пьер, в твоём представлении мужчины не ходят в платьях, португальцы на все руки мастера, а налоговики напрочь лишены юмора, так? Может, у тебя и другие предубеждения имеются?

Жан-Пьер, к этому моменту уже наливший себе очередной бокал вина (она в любом случае рано или поздно назовет его алкоголиком), выныривает из облака паров вина из винограда, выращенного в окрестностях города Бон.

– Предубеждения, говоришь? Ну ладно... Скажи-ка, вот твой кузен Патрик, тоже агент фиска, человек веселый?

– Не особо.

– То-то и оно!

Славно он заткнул ей рот. Получила по зубам? Чтобы отметить это, он наделяет себя правом еще немного промочить горло. А заодно и сменить позицию. Жан-Пьер встает с кресла, бесспорно удобного, и пересаживается на более просторный диван, где можно расположиться еще комфортнее.

– Моего кузена Патрика ты видел лишь раз в жизни и то на похоронах его жены. Рассказывать в день погребения анекдоты про бельгийцев, лишь бы доказать тебе, что у налоговиков есть юмор, он точно не собирался!

В словах Изабель слышится правда. Уместная и вполне уравновешенная. Жан-Пьер вновь чувствует себя совсем маленьким. Потерянным. Скукожившимся на просторах этого дивана. Еще пару секунд он видел себя скалой, но теперь кажется себе невзрачным, тщедушным человечком. А вот Изабель, в отличие от него, приросла весом, местом и объемом. Того и гляди, сейчас его раздавит. «Я женат на дорожном катке».

Если б она хотя бы со всем этим покончила, да еще и одним махом! Поставила точку! Чтобы больше ни о чем таком не говорить! Прикончила тему, как убивают злого парня в старых вестернах, которые он обожает, а она терпеть не может. «Опять будешь пичкать нас этой своей старой жутью?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.